

Очень страшная история

Автор:

Анатолий Алексин

Тайна старой дачи (Первая очень страшная история)

Анатолий Георгиевич Алексин

Юные герои Анатолия Алексина впервые сталкиваются со «взрослыми», нередко драматическими проблемами. Как сделать правильный выбор? Как научиться понимать людей и самого себя? Как войти в мир зрелым, сильным и достойным человеком?

Анатолий Алексин

Очень страшная история

От автора

Судьбе было угодно, чтобы я родился в семье инженерно-технического работника, в самом начале второй половины нашего века. Это была дружная трудовая семья. Я был последним ребенком в этой семье. Первым ребенком был мой старший брат Костя. Всего, значит, нас было двое. Сейчас уже Костю трудно назвать ребенком, потому что он бреется и учится в университете.

Родители наши сумели дать своим детям хорошее образование: Костя, как я уже сказал, студент, и я тоже учусь.

У нас с братом были совершенно разные характеры. Они и теперь абсолютно разные, но я пишу «были», потому что предисловия «От автора» всегда пишутся в прошедшем времени, как воспоминания. Брат увлекался техникой, а я любил читать детективные повести и романы. Потом, в более зрелом возрасте, я внезапно почувствовал тягу к творчеству.

У меня не было старой няни, которая бы рассказывала мне в детстве сказки и так понемножку приучила бы меня любить литературу. Мама сама вела хозяйство, поэтому ни няни, ни домработницы у нас не было.

Но зато на меня как на будущего автора детективных произведений огромное влияние оказали мои родители.

Когда я еще был во втором или в третьем классе, мама вышила на мешке для галош мою фамилию: «Деткин».

Это был самый обыкновенный мешок, но он сыграл в моей жизни необыкновенную роль! Судьбе было угодно, чтобы последние три буквы стерлись, исчезли: нитки порвались то ли от старости, то ли оттого, что мешок служил мне верным оружием в коротких, но решительных схватках, которые вспыхивали время от времени в раздевалке. Так или иначе, по от моей фамилии остались лишь три первые буквы: «Дет...» – Галоши ДЕТЕктива! – крикнул один старшекласник.

С этого и началось: меня прозвали Детективом. А если бы мама не вышила те буквы на моем синем мешке?..

Но положительное влияние родителей было не только в этом. Мама и папа часто отбирали у меня затрепанные приключенческие повести и романы. «Жалко тратить на это время!» – восклицали они. А потом я находил свою книгу под подушкой у мамы или случайно замечал ее в папином портфеле. Таким образом, с их помощью я понял, что все нормальные люди любят читать детективные книжки, но многие любят тайно. А тайная любовь, как известно, самая интересная и самая сильная!

Итак, я начал творить!.. Родители были против: «Жаль тратить на это время!» Тогда я вспомнил все известные мне случаи, когда отцы выгоняли из дому и даже лишали наследства будущих великих артистов, композиторов

и писателей.

Эти примеры подействовали на папу и маму.

- Ладно, - сказал папа, - раз тебе не жалко времени, которое можно было бы потратить на изучение иностранного языка, на чтение полезных книг или, скажем, на спорт, пусть будет по-твоему! Но позволь и мне обратиться к классическим примерам...

Он достал первый том Собрания сочинений Лермонтова, прочитал вслух два стихотворения и сказал:

- Эти стихи были написаны Михаилом Юрьевичем, а точнее сказать, Мишей, в четырнадцатилетнем возрасте. Ты всего на полтора года моложе. Только на полтора. А если учесть, что дети сейчас взрослеют гораздо раньше, можно считать, что вы одного возраста!

- Ну и что? - спросил я.

- А то, - ответил мне папа, - что нельзя высосать повесть из пальца. Прежде чем сесть за стол, надо изучить человеческие характеры. А сюжет! Его должна подсказать тебе сама жизнь!

Я стал изучать характеры своих приятелей, соседей, учителей. Но сюжета жизнь подсказывать мне не хотела.

И вдруг случилось такое!..

Никогда я бы не смог придумать истории страшнее той, которая случилась на самом деле и которую я всю распутал от начала и до конца, доказав, что Детективом меня прозвали не зря!..

Глава I,

в которой мы знакомимся с героями повести, не все из которых будут героями

Когда в прошлом году у нас в классе стали создавать литературный кружок, никто не представлял себе, что из-за этого может случиться. Какое таинственное, жуткое событие произойдет!..

Но я расскажу обо всем по порядку, не забегая вперед, хотя мне очень хочется забежать. Вы легко поймете меня, когда дочитаете до конца...

Итак, все началось год назад на самом обычном уроке, в самом обычном классе. Это была комната с четырьмя стенами, выходившая двумя своими стеклянными окнами прямо во двор, а одним окном – прямо на улицу.

Наш новый классный руководитель, Святослав Николаевич, сказал:

– Всюду, где я был классным руководителем, обязательно работал литературный кружок. Тем более он должен быть здесь, в этом классе, где учится Глеб Бородаев.

Мы все повернулись и посмотрели на последнюю парту в среднем ряду: там сидел тихий, пригнувшийся Глеб.

Это был человек лет тринадцати. Нежная, бархатная кожа его лица часто заливалась румянцем. Ростом он был невысок, учился посредственно и очень любил собак. Карманы его самых обыкновенных мятых штанов всегда оттопыривались. Опытный глаз мог почти безошибочно определить, что там кусок колбасы, или горбушка хлеба, или сосиска. Глеб от каждого своего завтрака оставлял что-нибудь для собак. И собаки платили ему той же любовью. Мы тоже любили Глеба. Он был добрым не только к собакам, но и к людям. Особенно если их настигала беда. Например, если кто-нибудь падал и расшибал коленку, Глеб сразу подбегал и говорил:

– Как все это... Ты не очень того... Я сейчас постараюсь...

Он, когда волновался, не договаривал фразы до конца. Фразы его неожиданно обрывались, как звуки неисправного мотора, который глохнет и опять начинает работать, глохнет и опять начинает... Но мы уже знали, что через минуту-другую Глеб притащит из докторского кабинета, с первого этажа, йод, а из уборной,

с нашего этажа, – платок, смоченный холодной водой.

В его груди билось скромное, благородное сердце!

– Конечно, Глеб такой же ученик, как вы все, – сказал Святослав Николаевич. – Не его заслуга, что он внук Бородаева, писателя, творившего во второй четверти этого века в нашем с вами родном городе. И все же я рад, что Глеб учится именно здесь! Я думаю, что пристальный интерес к творчеству одного писателя обострит ваш интерес к литературе в целом. И тут Глеб может оказать вам неоценимую помощь!..

Все опять повернулись к Глебу... Когда на него смотрел один человек, он и то пригибался от смущения, а тут уж совсем лег на парту.

– Как-то все это... – тихо сказал он, не договаривая фразу, будто кто-то рядом расшиб коленку.

Мы знали, что в городе жил когда-то писатель Гл. Бородаев; портрет Гл. Бородаева висел в зале на доске «Наши знатные земляки».

Внезапно догадка озарила меня: «И его тоже, наверное, звали Глебом!» Мы не знали, что тот Глеб – родной дедушка нашего Глеба. Наш Глеб никогда никому об этом не говорил.

Но классный руководитель Святослав Николаевич раскрыл его тайну... Это был человек лет пятидесяти девяти (он говорил, что если мы решительно не изменимся, то он через год сбежит от нас всех на пенсию). Ростом он был невысок. Глаза его глядели устало, об усталости свидетельствовала и бледность его не всегда гладко выбритых щек. Но внешность Святослава Николаевича была обманчива. Энергия в нем была ключом!

– Мы присвоим нашему кружку имя Глеба Бородаева! – воскликнул он. И в глазах его исчезла усталость.

– Как-то это... – тихо сказал Глеб со своей задней парты. – Меня ведь тоже зовут... Некоторые могут подумать... Которые из других классов...

Он не договаривал до конца ни одной фразы: значит, он волновался, как никогда.

– Есть ведь и другие... – продолжал он. – Почему обязательно дедушку?.. Хотя бы вот Гоголь...

– Но внук Гоголя не учится в нашем классе, – возразил Святослав Николаевич. – А внук Бородаева учится!

С того самого дня к Глебу приклеилось прозвище: Внук Бородаева. Иногда же его звали просто и коротко: Внук.

Всюду ребята любят придумывать прозвища. Но у нас в школе это, как говорили учителя, «стало опаснейшей эпидемией». А что тут опасного? Мне кажется, прозвище говорит о человеке гораздо больше, чем имя. Имя вообще ни о чем определенном не говорит. Ведь прозвище придумывают в зависимости от характера. А имя дают тогда, когда у человека еще вообще нет никакого характера. Вот если меня назовут просто по имени – Алик! – что обо мне можно будет узнать? А если по прозвищу – Детектив! – сразу станет понятно, на кого я похож.

Жаль только, что некоторые ребята путают и вместо «Детектив» кричат «Дефектив». Но я в таких случаях не откликаюсь.

– Занятия кружка ни в коем случае не должны быть похожи на наши уроки. Никто там не будет учиться! – заявил Святослав Николаевич.

И всем сразу захотелось вступить в этот кружок. Но на пути возникли неожиданные преграды.

– Творческая направленность будет лицом кружка, – сказал Святослав Николаевич. – А рекомендацией будет литературная одаренность!

Оказалось, что такой рекомендации нет почти ни у кого в нашем классе.

Только Андрей Круглов, по прозвищу Принц Датский, и Генка Рыжиков, по прозвищу Покойник, сочиняли стихи.

Прозвища их на первый взгляд могли показаться несколько странными, но это только на первый, легкомысленный взгляд.

Круглова прозвали не просто Принцем, а именно Датским, потому что он любил сочинять стихи к разным школьным датам и даже к семейным: к началу учебного года и к концу учебного года, к дням рождения и если кто-нибудь умирал.

Когда нашей школе исполнилось десять лет, он сочинил:

В этот день, когда мы отмечаем
Нашей школы славный юбилей,
Мы с большим волнением замечаем,
Что на сердце как-то веселей!

Однажды, первого сентября, пионервожатая прочитала нам на линейке стихи Принца:

В этот день, когда мы начинаем
Путь к вершинам знаний и наук,
Мы с большим волнением замечаем,
Будто стало солнечней вокруг!..

А перед летними каникулами в стенгазете появилось такое стихотворение Принца Датского:

В этот день, когда мы завершаем
Свой нелегкий, свой учебный год,
Мы с большим волнением ощущаем,
Будто слезы выльются вот-вот...

Хоть мы со школой расстанемся,

Места нет для грусти и тоски:

Все равно сердцами остаемся

Возле школьной парты и доски!

Святослав Николаевич сказал однажды, что «настоящий поэт не изменяет себе».

Принц Датский не изменил себе просто ни разу в жизни.

Это был человек лет тринадцати. Ростом он был высок, в плечах был широк.

Если Принц Датский узнавал, что у кого-нибудь дома происходит важное событие, он хватал бумагу и карандаш, убегал, чтобы побыть в одиночестве, а потом возвращался и говорил:

– Вот... пришли на ум кое-какие строчки. Может, тебе будет приятно?

Он совал в руки листок со стихами и убегал. Большая физическая сила сочеталась в нем с детской застенчивостью.

Однажды, как сейчас помню, он узнал, что мои родители празднуют годовщину свадьбы. Принц Датский подошел ко мне на перемене, сунул в руку листок и сказал:

– Вот... пришло кое-что на ум. Может, тебе будет приятно? И убежал. На листке было написано:

В этот день, поздравив папу с мамой,

Обстановку трезво оцени:

Страшная была бы в жизни драма,

Если бы не встретились они!

Если бы твой папа не женился,

Никогда б ты, Алик, не родился!

В его груди билось доброе, благородное сердце! Я читал, что поэты часто дружили между собой: Пушкин с Дельвигом, Шиллер с Гете... А Принц Датский дружил с Генкой Покойником.

Покойник писал стихи о любви... Это был человек лет тринадцати. Ростом он был невысок, в плечах неширок, лицо его было покрыто мертвенной бледностью.

И вообще он очень хотел умереть.

Жить не стоит,

В том нету сомнений!

Сердце в муке сгорело дотла,

Когда ты на большой перемене

К старшекласснику вдруг подошла.

Над этим стихотворением стояли две буквы: «А. Я.». А в поэме, первое чтение которой состоялось у нас в уборной, на втором этаже, были такие слова:

Умереть, умереть, умереть!

Мне во прах превратиться не жалко,

Чтоб уже никогда не смотреть,

Как с другим ты идешь в раздевалку...

Под названием поэмы тоже стояли две буквы: «Б. Ю.». Нам очень хотелось узнать, из-за кого Покойник так ужасно страдал. Мы проверили по классному журналу; девчонок с такими инициалами у нас в классе не было.

– Может, из другой школы?.. – высказал кто-то предположение.

Внезапно меня озарила догадка:

– Нет! Они обе из нашей школы: иначе бы он не видел, как А. Я. на большой перемене подошла к старшекласснику и как Б. Ю. спустилась с другим

в гардероб!

- Это верно!.. Настоящий Детектив: какая сила логического мышления! – стали восторгаться ребята. Только Принц Датский сказал:

- Не трогайте Покойника!.. Кто его тронет, тот будет иметь дело со мной.

И хотя большая физическая сила сочеталась в нем с детской застенчивостью, все знали: Покойника он в обиду не даст. Он уважал его, потому что сам не умел писать стихов о любви.

- А только это и есть истинная поэзия! – воскликнул как-то Принц Датский. – Все классики с раннего детства писали о любви. Таланты надо беречь!

Это было его яркой особенностью: восторгаться другими.

- Почему же ты сам сочиняешь стихи к разным датам? – спросил я Принца.

- Людям приятно, когда их поздравляют... Особенно в рифму, – ответил он.

- А ты пиши и о любви тоже!

- Чтоб писать о ней, надо ее испытать, – ответил Принц Датский. – К Покойнику уже пришло его счастье, а ко мне еще нет.

К Покойнику это счастье приходило уже в третий раз. Вообще он вел рассеянный образ жизни. Все свои последние стихотворения он посвящал какой-то В. Э. Она еще не спускалась с другим в гардероб, но Покойник все равно жить не хотел:

Умереть мое сердце готово,

Разорваться в груди, как снаряд,

За одно твое нежное слово,

За один твой доверчивый взгляд.

Я набрался мужества и спросил:

- Скажи: кто она... В. Э.?

- Разве это не было бы чудовищно?..

- Что... чудовищно?..

- Разве я могу открыть ее имя?

- А почему?

- Тебе непонятно?

Это было его яркой особенностью: отвечать на вопрос вопросом.

- Но почему же? - настаивал я.

- Разве мужчина имеет на это право?

В его чахлой груди билось пылкое, благородное сердце!

Принца с Покойником сразу приняли в литературный кружок.

Попросилась в кружок и Валя Миронова.

Это было белокурое существо лет двенадцати с половиной. То есть в прошлом году, когда создавался кружок, все мы были на год моложе... Но в той страшной истории, которую я хочу рассказать, это не играет существенной роли.

Миронова была самым белокурым и самым старательным существом у нас в классе. Она, казалось, всегда думала об одном: как бы ей в чем-нибудь перевыполнить норму.

Если учительница задавала на дом решить семь арифметических примеров, Миронова поднимала руку и спрашивала:

– А восемь можно?

Если другая учительница просила сдать домашнее сочинение через четыре дня, Миронова поднимала руку и спрашивала:

– А через три можно?

Думая о человеке, всегда мысленно представляешь его себе в самой характерной для него позе. Ну, например: Глеб Бородаев вынимает из своих растопыренных карманов бутерброд с колбасой и кормит собаку; Принц Датский, несмотря на свой огромный рост и свою силу, застенчиво протягивает листок со стихами, которые кому-то должны быть приятны; Покойник ходит по коридору с бледным лицом и мечтает погибнуть... А Миронову я всегда представляю себе с поднятой рукой: она хочет, чтобы ей разрешили перевыполнить норму. Если врач скажет: «Тебе нужно сделать десять уколов!» – Миронова, я думаю, обязательно спросит: «А можно одиннадцать?» Как только Святослав Николаевич объявил о кружке, Миронова сразу подняла руку и сказала:

– Можно мне записаться?

– А что ты будешь сочинять?

– Что вы скажете... – ответила Миронова.

Это было ее яркой особенностью: подчиняться приказам.

– Поэзия, – сказал Святослав Николаевич, – это сфера чувств, там конкретность не обязательна. Проза – другое дело. В прозе каждый должен писать о том, что он лучше всего знает. А с чем ты, Миронова, сталкиваешься ежедневно? Со школой, с уроками, с домашними заданиями, со своими соседями и одноклассниками. Вот об этом и напиши. Начни, к примеру, с литературных зарисовок: «Мое утро», «Мой вечер»...

Миронова подняла руку и спросила:

– А можно «Мой день»? Это ведь будет и утро, и полдень, и вечер – все сразу!

Она и тут хотела перевыполнить норму.

– Пожалуйста, – сказал Святослав Николаевич. – Если тебя влечет такая именно тема, не возражаю. Зачем же наступать на горло собственной песне! Но только побольше конкретных деталей, подробностей. Пусть острая наблюдательность подскажет тебе все это. Принеси зарисовку дней через пять.

– А можно через четыре? Или через три дня? – спросила Миронова, предварительно подняв руку. По привычке она, как на уроке, поднимала руку, даже если разговаривала с кем-нибудь в коридоре или на улице.

Через три дня она принесла зарисовку «Мой день». Начинала Миронова так:

Я проснулась в семь часов десять минут по местному времени. Было утро. Я умылась на кухне, потому что в ванной комнате мылся сосед. На кухне у нас стоят два стола, потому что в квартире живут две семьи: у каждой по одному столу. На кухне два окна: одно выходит лицом на улицу, а другое – лицом во двор. В семь часов тридцать минут по местному времени я съела одно яйцо всмятку, один бутерброд с сыром и выпила один стакан чая с сахаром. Так начался мой трудовой день...

Святослав Николаевич похвалил Миронову:

– Много конкретных, тебе одной известных деталей!..

Миронову приняли в литературный кружок.

– Ну, а над чем ты будешь работать дальше? – спросил Святослав Николаевич.

– Над чем скажете...

В ее груди билось послушное женское сердце!

Трех человек уж приняли. Но этого было мало. И тогда Святослав Николаевич предложил вступить в кружок Наташе Кулагиной.

Это было самое замечательное существо в нашем классе. И во всей школе. И во всем городе!

Ростом она была такой, как надо... Да что говорить!

От самого дня рождения я никогда не был ветреником. И никогда не вел рассеянный образ жизни. Наоборот, постоянство было моей яркой особенностью: Наташа нравилась мне с первого класса. Она была полна женского обаяния. На переменах девчонки липли к ней со всех сторон: каждой хотелось походить с ней по коридору под руку. Это меня устраивало: если уж не со мной, так пусть лучше с ними!

Наташа часто записывала что-то в толстую общую тетрадку. Когда Святослав Николаевич пригласил ее в кружок, она сказала:

– Я не сочиняю, а просто записываю мысли. Так, для себя. О фильмах, о книгах...

– Это должно быть любопытно, – важно изрек Покойник. – Ты ведь и классные сочинения всегда пишешь оригинально, по-своему.

– Старик Покойник нас заметил и, в гроб сходя, благословил! – сказал я с плохо скрываемым раздражением.

Мне не понравилось, что Покойник хвалил Наташу. Не хватало еще, чтоб над очередным его стихотворением появились новые буквы: «Н. К.».

– О книгах, о фильмах?.. – переспросил Святослав Николаевич. – Значит, у тебя критическое направление ума! Вот и прекрасно. Нам нужны разные жанры. Поэзия и проза уже представлены. А теперь вот и критик! Будешь оценивать произведения членов кружка. Если острая наблюдательность подскажет тебе недостатки товарищей...

– Но я ведь просто записываю свои мысли... Что ж, я буду высказывать их вслух?

– А ты высказывай не свои, – посоветовала Миронова. – Поговори со Святославом Николаевичем, еще с кем-нибудь. Учебники почитай.

Наташа словно бы не расслышала ее слов.

– Нет, я не могу оценивать чужие произведения, – сказала Наташа. – С глазу на глаз могу. А так, в торжественной обстановке... Я не могу себе это позволить.

– Для начала послушай, – сказал Святослав Николаевич. – А потом творческий поток захлестнет тебя, увлечет в свое русло!

Она могла бы позволить себе все, что угодно, потому что ее считали самой красивой в классе. Но она не позволяла: в ее груди билось прекрасное сердце!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/anatoliy-aleksin/ochen-strashnaya-istoriya-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)